

Е.Н. ГОРБАЧЕВА
(Астрахань)

**РАСКАЯНИЕ
КАК ПЕРФОРМАТИВНЫЙ
РЕЧЕВОЙ ЖАНР**

Рассматриваются перформативные характеристики речевого жанра «раскаяние». Данный жанр представляется перформативным, поскольку, во-первых, его концепт встраивается в когнитивную модель поступка, а во-вторых, он ведет к трансформации ценностного статуса говорящего и в ряде случаев – адресата.

Ключевые слова: *речевой жанр, перформативность, раскаяние, поступок, трансформация ценностного статуса.*

Раскаяние – сложное понятие, рассматриваемое в теологии, философии, психологии, юриспруденции. В литературе раскаяние (покаяние) выступает как часть исповедального жанра.

В русском языке слово *раскаяние* обозначает «сожаление о совершенном дурном, неправильном, ошибочном поступке» [5], «чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка» [2]. Однако как одно из фундаментальных духовных понятий раскаяние представляется более глубоким и сложным чувством, нежели простое сожаление о совершенном грехе; духовное, или религиозное, раскаяние – это исправление поведения, являющееся условием Божественного прощения [10; 11].

В философии раскаяние, или метанойя, определяется как изменения в понимании собственного Я, жизненной цели, как выработка нового взгляда на мир [7]. А. Солженицын, говоря о национальном раскаянии, считает его главным условием сохранения нации, ее нравственного и духовного роста [2]. Отечественный психолог В.В. Столин рассматривает раскаяние как один из способов осознания совершенного поступка: раскаяние относится к ситуациям, когда человек признает факт совершения поступка, реальный выбор, но раскаивается в нем [4, с. 257].

С лингвистической точки зрения раскаяние является перформативным речевым жанром. Под перформативным мы понимаем такой речевой жанр, концепт которого встраивается в когнитивную модель поступка: 1) дей-

ствие – совершение поступка; 2) субъект поступка – личность; 3) мотив-цель – реализация определенной ценности / антиценности; 4) формальная характеристика поступка – осознанное, осмысленное и волевое действие; 5) оценочная характеристика поступка – положительное / отрицательное действие; 6) онтологические признаки поступка – событийность, структурность, имманентность, каузальная независимость; 7) ситуация – ответственный выбор между двумя (или более) мотивами; 8) результат – формирование новой социальной реальности.

Рассмотрим данную модель применительно к концепту «раскаяние».

Деятельностный характер раскаяния состоит в признании человеком того, что он сожалеет о совершенном проступке: *Не проходило и часа, как Николай Федорович, вдоволь наволновавшись у запертой двери, громко выражал свое раскаяние, дверь открывалась (конечно, не сразу!), и спор о будущих судьбах крестьянства оказывался полюбовно решенным* (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей) [1].

Как правило, проступок представляется грехом / преступлением, а субъект раскаяния, соответственно, грешником / преступником: *Благоговейный ужас проник его сердце. Он пал ниц перед игуменом.*

– Отец мой, – сказал он, – должно быть, я великий грешник! <...> Тяжело мое преступление, – начал он дрожащим голосом. – Отец мой, слушай! Страшно мне вымолвить: осканда моя любовь к царю, сердце мое от него отвратилось! (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Главным мотивом-целью раскаяния является получение прощения со стороны Бога как отпущения совершенных грехов. Прощение – главная ценность, актуализируемая раскаянием, поскольку оно избавляет от мук совести и дает возможность начать жизнь по-новому, по-другому: *Теперь от него требовалось раскаяние – именно оно давало отпущение грехов.* (С.А. Еремеева. Лекции по истории искусства) [1].

– Молись, – отвечал кротко старик, – велико милосердие божие; много поможет тебе раскаяние, сын мой! (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Осознанность, осмысленность и волевой характер раскаяния выявляются из словарной дефиниции глагола *раскаяться* – «сознав, что

поступил дурно, неправильно, ошибочно, начать испытывать сожаление об этом или признаться в этом» [5].

Что касается оценочной характеристики раскаяния, то однозначно положительно оценивается искреннее раскаяние, поскольку оно является условием Божественного прощения [11]: *И только искреннее раскаяние способно вернуть наши испоганенные ложью души в сияющие чертоги нашего детства* (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

Событийность раскаяния заключается в его свершении как индивидуального явления с собственным именем и такими характеристиками, как статичность / динамичность, градуированность / неградуированность, кульминативность / некульминативность, результативность / нерезультативность, гомогенность / негомогенность, счетность / несчетность и др. Структурность раскаяния состоит в возможности его повторения, имманентность – в его неотъемлемой связи с поступками того же порядка, например, прощением / просьбой о прощении, а в русской патриархальной традиции также со смирением и страданием. Каузальная независимость раскаяния состоит в том, что каждый случай раскаяния – это единственное в своем роде событие в силу уникальности предмета раскаяния.

Ситуацию раскаяния точнее было бы охарактеризовать как ответственный мучительный выбор между двумя или более мотивами, поскольку данный выбор сопряжен со страхом наказания: *<...> I know I am not wholly white. Oh, no. I know I plotted evil. Yes, yes, I know that. I confess. But must I really die now? / (Я знаю, совесть моя не вполне чиста. О нет! Я знаю, я замышлял зло. Да, да, я знаю это. Я признаю. Но неужели я в самом деле должен умереть?)* (Т. Dreiser. An American Tragedy).

Результатом раскаяния может быть формирование как объективной, так и субъективной социальной реальности. Формированием новой объективной социальной реальности можно считать случаи смягчения наказания преступнику или правонарушителю при условии его деятельного раскаяния в соответствии с законом. Формирование новой субъективной социальной реальности – это случаи, когда раскаяние ведет к переоценке ценностей и жизненных принципов.

На языковом уровне перформативность раскаяния эксплицируется двумя способами: во-первых, когда говорящий называет себя

грешником или преступником, во-вторых, посредством определенных речевых актов.

Называя себя грешником или преступником перед лицом церкви, как в одном из выше рассмотренных примеров из повести А.К. Толстого «Князь Серебряный», или государства (в случае так называемого деятельного раскаяния), говорящий трансформирует свой ценностный статус, а это показатель перформативности, если под ней подразумевается «перереформирование» коммуникативной ситуации (определение В.И. Тюпы [6, с. 36]).

С точки зрения персонализации перформативности, рассмотренной А.В. Шемякиной [9, с. 10], в данном случае, по-видимому, реализуется саморепрезентационная стратегия волевитивности, раскрывающая то, как говорящий воспринимает себя внутри общества, и служащая своеобразным индикатором его волеизъявления взять на себя полную ответственность за совершенный проступок и его последствия.

Причисление себя к грешникам / преступникам может осуществляться также посредством стратегии самопринижения:

– *Сын мой! – сказал игумен, глядя с участием на Максима, – должно быть, сатанинское наваждение помрачило твой рассудок; ты клеветишь на себя. Того не может быть, чтобы ты возненавидел царя. Много тяжких преступников исповедовал я в этом храме: были и церковные тати, и смертные убийцы, а не бывало такого, кто повинился бы в нелюбови к государю!*

Максим побледнел.

– *Стало, я преступнее церковного татя и смертного убийцы! – воскликнул он. – Отец мой, что мне делать? Научи, вразуми меня, душа моя делится надвое!* (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Максим Скуратов, раскаивающийся в ненависти к Ивану Грозному, заявляет, что его грех страшнее таких преступлений, как воровство и убийство. Согласно А.В. Шемякиной, реализуя персонализирующие стратегии самопринижения, говорящий берет всю ответственность на себя, однако активизация этих стратегий потенциально опасна и для адресата, т.к. он вынужден разделить часть ответственности [9, с. 10]. Не случайно Максим обращается к игумену с просьбой вразумить его, и тот действительно пытается помочь, поскольку чувствует личную ответственность за судьбу молодого человека.

Говоря об экспликации перформативности раскаяния посредством речевых актов, следу-

ет отметить этимологическую связь раскаяния с порицанием и упреком, ср.: *окаятъ* «порицать», укр. *каяти* «упрекать», словен. *kaŕjati* «порицать» [7]. Таким образом, порицание своего поступка / проступка есть важная составляющая раскаяния:

– *Не отвергай меня, отец мой! – продолжал Максим, – выслушай меня! Долго боролся я сам с собою, долго молился пред святыми иконами. Искал я в своем сердце любви к царю – и не обрел ее!* (А.К. Толстой. Князь Серебряный).

Упреки порицание – семантически близкие понятия: *упрек* – высказанное кому-н. или обращенное к кому-, чему-н. неудовольствие, неодобрение, обвинение, укоризна; *порицание* – осуждение, выговор, неодобрение [5]. В речи упрек / порицание выражаются посредством косвенных речевых актов, как в вышерассмотренном примере, где говорящий высказывает упрек / порицание в свой адрес.

Еще одной важной составляющей перформативного речевого жанра «раскаяние» является сожаление, которое может быть выражено как прямо, так и косвенно. Рассмотрим примеры:

In the shadow of the Valley of Death it is my desire to do everything that would remove any doubt as to my having found Jesus Christ, the personal Savior and unfailing friend. My one regret at this time is that I have not given Him the pre-eminence in my life while I had the opportunity to work for Him (Вступая в тень Долины Смерти, я хочу сделать все возможное, чтобы устранить всякое сомнение в том, что я обрел Иисуса Христа, спасителя моего и неизменного друга. Ныне я сожалею лишь о том, что, имея возможность трудиться во имя его, не отдал свою жизнь на служение ему) (Т. Dreiser. An American Tragedy).

Здесь сожаление выражено прямо – с помощью лексемы *regret* (сожалеть).

В следующем примере находим косвенно выраженное сожаление героя – Родиона Раскольникова – в том, что он не испытывает раскаяния. Сожаление выражено посредством солагательного наклонения глаголов:

И хотя бы судьба послала ему раскаяние – жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы – ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание).

Выражение упрека / порицания и сожаления в рассмотренных выше формах ведет к трансформации ценностного статуса говоря-

щего, в то время как косвенное сожаление, выраженное просьбой о прощении, направлено на изменение ценностного статуса адресата, поскольку говорящий перекладывает на него часть ответственности за дальнейшее разрешение ситуации: *Dear Clifford, I am afraid what you foresaw has happened. <...> I'm awfully unhappy for your sake: but do try to take it quietly. You don't really need me any more, and I can't bear to come back to Wragby. I'm awfully sorry. But do try to forgive me, and divorce me and find someone better* (Дорогой Клиффорд, боюсь, твое предвидение сбылось. Мне ужасно жаль, что так получилось, но постарайся принять это как можно спокойнее. В сущности, ты больше во мне не нуждаешься, и возвращаться в Рэгби-Холл мне нет никакого смысла. Мне действительно очень жаль. Постарайся меня простить, дай мне развод и найди себе кого-нибудь лучше меня) (D.H. Lawrence. Lady Chatterley's Lover).

В этом отрывке из романа Д.Г. Лоуренса «Любовник леди Чаттерлей» Конни пишет письмо мужу Клиффорду, в котором признается в своей измене. Наряду с прямым речевым актом сожаления (*I'm awfully sorry*) она прибегает также к просьбе о прощении (*But do try to forgive me*), за счет чего «переформатируется» его статус: из потенциального наблюдателя он превращается в действующее лицо, которому предстоит принять ответственное решение.

Итак, речевой жанр «раскаяние» является перформативным, поскольку, во-первых, его концепт встраивается в когнитивную модель поступка, а во-вторых, он ведет к трансформации ценностного статуса говорящего и в ряде случаев – адресата.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://www.ruscorgo.ru>.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL : <http://ozhegov.info/slovar/>.
3. Солженицын А. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни [Электронный ресурс]. URL : <http://www.gumer.info>.
4. Столин В.В. Конфликтный личностный смысл – единица самосознания личности // Психология конфликта / сост. и общ. ред. Н.В. Гришиной. СПб. : Питер, 2001. С. 253–269.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ТЕРРА, 1996.
6. Тюпа В.Ю. Дискурс / Жанр. М. : Intrada, 2013.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.onlinedics.ru>.

8. Философский энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Шемякина А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе (на материале английских и русских перформативных высказываний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
10. Штайнзальц А. Роза о тринадцати лепестках [Электронный ресурс]. URL : <http://www.plam.ru/relig/>.
11. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL : <http://www.eleven.co.il/article/13446>.

* * *

1. Natsionalnyy korpus russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.ruscorpora.ru>.
2. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL : <http://ozhegov.info/slovar/>.
3. Solzhenitsyn A. Raskayanie i samoogranichenie kak kategorii natsionalnoy zhizni. URL: <http://www.gumer.info>.
4. Stolin V.V. Konfliktnyy lichnostnyy smysl – edinitsa samosoznaniya lichnosti // Psihologiya konflikta / sost. i obsch. red. N.V. Grishinoy. SPb. : Piter, 2001. S. 253–269.
5. Tolkovyy slovar russkogo yazyika / pod red. D.N. Ushakova. M. : TERRA, 1996.
6. Тура В.Ю. Diskurs / Zhanr. M. : Intrada, 2013.
7. Fasmer M. Etimologicheskyy slovar russkogo yazyika [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.onlinedics.ru>.
8. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar [Elektronnyy resurs]. URL: <http://dic.academic.ru>.
9. Shemyakina A.V. Strategii personalizatsii v institutsionalnom diskurse (na materiale angliyskiy i russkiy performativnyy vyiskazyvaniy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.
10. Shtaynzalts A. Roza o trinadsati lepestkah [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.plam.ru/relig/>
11. Elektronnyy evreyskiy entsiklopediy [Elektronnyy resurs]. URL : <http://www.eleven.co.il/article/13446>.

Repentance as a performative speech genre

There are considered the performative characteristics of the speech genre “repentance”. The genre is considered as performative as, first of all, its concept is included into the cognitive model of the act, and second, it leads to the transformation of the value status of the speaker, and in some cases – the addressee.

Key words: speech genre, performative characteristics, repentance, act, transformation of the value status.

(Статья поступила в редакцию 23.06.2014)

Т.В. УСТИНОВА
(Омск)

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ ТЕКСТОВ С НЕОПРЕДЕЛЕННО ВЫРАЖЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ «ЯЗЫКОВЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ» КЛАРКА КУЛИДЖА)

С позиций когнитивно-дискурсивного подхода рассматриваются особенности понимания экспериментальных поэтических текстов с аномалиями лексико-семантической сочетаемости. Специфика конструирования значения в процессе чтения анализируется в свете теории ментальных пространств и концептуальной интеграции. Иконичность порядка слов и метонимия определяют как когнитивные механизмы, обеспечивающие потенциальную возможность интерпретации текста.

Ключевые слова: «языковая поэзия», ментальные пространства, концептуальная интеграция, метонимия.

По мнению М.И. Лекомцевой, тексты с неопределенно выраженной семантикой – это «тексты, состоящие из звуковых комплексов, не имеющих фиксированной интерпретации, и смысл которых невыводим из составляющих такой текст комплексов» [5, с. 94]. Неопределенность семантики стихотворений авангардного американского поэта Кларка Кулиджа, представителя поэтического течения $L=A=N=G=U=A=G=E$ School of Poetry, заключается в другом: каждое слово в отдельности без труда семантизируется читателем, однако мотивация сочетания слов практически невыводима. «Языковые стихотворения» К. Кулиджа в сборнике “*The Maintans*” [13] представляют собой наборы из отдельных слов и окказиональных словосочетаний. Здесь отсутствует законченность канонического предложения как комплексной номинации с его «целостным ансамблем элементов ситуации», что максимально затрудняет идентификацию направлений развертывания дискурса. Однако множество прагматических условий порождения и восприятия этих «наборов слов» – коммуникативная интенция автора, использование в определенном функциональном типе речи (художественной литературе), наличие специфического адресата (читателя), специфическая ритмико-интонационная орга-